

регулирующего, излишней детализации отдельных положений и неоправданно частой терминологической корректировки; модернизации гражданского законодательства путем разработки и принятия нового Гражданского кодекса; совершенствования и кодификации законодательства в области интеллектуальной собственности, создание должных правовых механизмов для обеспечения активного участия граждан в приватизационных процессах объектов собственности и инвестировании экономики; развития правового регулирования в сфере социального предпринимательства, разработки соответствующих стимулирующих регуляторных механизмов; совершенствования правового регулирования, создающего условия для конструктивного участия граждан на принципах сотрудничества в процессах управления на местном, региональном и общегосударственном уровнях; введения специализированного административного судопроизводства, определяющего порядок рассмотрения споров между гражданами и государством в лице государственных органов и должностных лиц.

Таким образом, ежегодные послания Конституционного Суда Республики Беларусь являются особыми юридическими документами, в которых на основе углубленного осмысления конституционных положений указывается на конституционно-правовые ориентиры социально-экономического развития общества и государства в современных условиях, направления наиболее полной реализации конституционных ценностей, принципов и норм в экономических и социальных отношениях.

ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ И МЕСТО В НАУКЕ О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ¹

Т.И. Макарова

*заведующий кафедрой экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор*

Формирование собственного понятийно-категориального аппарата – одна из важнейших задач науки, и юридическая наука, для которой точность и единообразное толкование терминов являются не только условием взаимопонимания между учеными, но и фактором, обеспечивающим единую правоприменительную практику, не составляет исключения. Ранее мы обращали внимание на то обстоятельство, что после перехода науки со всеобщего средства общения – латыни на национальные языки, ее

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ в рамках гранта «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств-членов Евразийского экономического союза».

обязательным атрибутом становится постоянная дискуссия о терминологии. В этом смысле категориальный аппарат юридической науки зачастую осложнен ещё и двойным (научным и бытовым) смыслом применяемых понятий [1]. Науке экологического права свойственны все вышеназванные проблемы, к которым она присовокупляет свои собственные особенности, обусловленные предметом – общественными отношениями, которые подлежат регулированию эколого-правовыми нормами. Эти общественные отношения лежат в сфере взаимодействия человека (общества) с окружающей средой, как средой его обитания. Основу экономики всех социально-экономических формаций, ее материальный базис составляет использование природных ресурсов, что и порождает все экологические проблемы. Осознав это в середине XX в., человечество последовательно формирует на международном и национальном уровнях меры противодействия загрязнению окружающей среды. Так сформировалось современное содержание науки экологии, в числе прикладных задач которой не только прогнозирование и оценка потенциальных отрицательных последствий экономической деятельности, но и обоснование соответствующих природоохранных мер и мероприятий на основе теории взаимоотношения природы и общества, где человечество рассматривается как неотъемлемая часть биосферы [2, с. 6–8; 3, с. 18–23]. Такого рода меры охраны окружающей среды для того, чтобы их можно было применять в практической деятельности, должны быть оптимально закреплены в законодательстве. Таким образом, главной особенностью правового механизма охраны окружающей среды и соответственно научной эколого-правовой терминологии является внешне обусловленный (зависимый в первую очередь от науки экологии) характер формирования входящих в него институтов, что зачастую обусловлено открытием или научным обоснованием на уровне естественных наук новых закономерностей, влекущих дополнительные воздействия на окружающую среду и требующих создания новых инструментов ее охраны. При этом практика природоохранной деятельности не стоит на месте: появляются новые подходы и основанные на них способы ее осуществления, что влечет внесение дополнений в экологическое законодательство [4].

Изучение процессов, формирующих охрану окружающей среды на глобальном и национальном уровнях, позволяет утверждать, что эти процессы затрагивают не только отдельные природоохранные средства и регламентирующие их правовые институты, но и основополагающие, системообразующие категории экологического права. Так, резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) понятие «охрана природы» было трансформировано в системообразующий термин «охрана окружающей среды» (Резолюция ГА ООН «Экономическое развитие и охрана природы» от 18 декабря 1962 г. № 1831/XVII); признана роль благоприятной окружающей среды для соблюдения основных прав человека (Резолюция ГА ООН «Проблемы окружающей человека среды» от 3 декабря 1968 года № 2398/XXIII); подтверждена связь социального прогресса с охраной

окружающей среды (Резолюция ГА ООН от 16 декабря 2005 г. № 60/157 «Право на развитие»); декларациями международных конференций ООН введена концепция устойчивого развития, как сочетания взаимодополняющих основ – экономической, социальной сфер и охраны окружающей среды, реализуемых на глобальном, региональном, локальном уровнях (Конференция ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 1992 г., Саммит по устойчивому развитию, Йоханнесбург, 2002 г.); посредством концепта «зеленая экономика» подтверждена связь экономического развития и социального прогресса с сохранением окружающей среды (резолюции ГА ООН от 27 июля 2012 года 66/288 «Будущее, которого мы хотим», от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года») [5].

Итак, мы видим, что системообразующая эколого-правовая категория «охрана окружающей среды», официально появлению которой мы обязаны международным усилиям, не статична: в ее развитии прослеживается путь от понимания ее как деятельности по сохранению природы, то есть отказу от воздействия на естественные экологические системы и протекающие в них процессы, до признания обусловленности сохранения окружающей среды экономическим развитием и социальным прогрессом, что уже само по себе вступает в диалектическое противоречие с первоначальным пониманием охраны природы. На уровне национального права эта ключевая эколого-правовая категория воспринимается своеобразно, но не только по причине языковых различий (о чем мы вели речь в начале этой статьи), но также в силу правовых традиций. Так, в российской науке и законодательстве вплоть до 2002 г. (а в украинской – до сих пор [6]) использовался термин «окружающая природная среда» Задачами «природоохранительного законодательства Российской Федерации» согласно Закону РФ от 19 декабря 1991 года № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» признавались: «регулирование отношений в сфере взаимодействия общества и природы с целью сохранения природных богатств и естественной среды обитания человека, предотвращения экологически вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, оздоровления и улучшения качества окружающей природной среды, укрепления законности и правопорядка в интересах настоящего и будущих поколений людей» [7]. Первая редакция Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» (от 26 ноября 1992 г.) [8], хотя по названию соответствовала признанному международному подходу, несла на себе явный отпечаток концепции, существовавшей со времен принятия Закона БССР «Об охране природы» [9], поскольку в ней в качестве объекта правоотношений рассматривались «объекты природы, подлежащие охране» (ст. 3). Редакция Закона, принятая 17 июля 2002 г. определяет объект иначе – «объекты отношений в области охраны окружающей среды», и хотя перечни таких объектов первой и второй редакций практически идентичны (земля, недра, воды, атмосферный воздух, озоновый слой, леса, растительный и животный

мир, особо охраняемые природные территории, типичные и редкие природные ландшафты и др.), однако второй редакцией Закона эти объекты включены в природно-социальный комплекс – окружающую среду, представляющую собой согласно ст. 1 данного закона соединение природной среды, как «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов» антропогенными объектами [10]. В таком контексте окружающая среда – это среда обитания человека как биологического вида и социального индивида, а ее охрана – постоянный процесс сохранения и поддержания в благоприятном состоянии природной среды средствами предотвращения вредного воздействия на окружающую среду со стороны деятельности, осуществляемой посредством и при помощи антропогенных объектов, как объектов, созданных человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающих свойствами объектов природных [10, ст. 1].

Если появление категории «окружающая среда» (англ. – «environment») и наполнение понятия «охрана окружающей среды» (англ. – environmental protection) конкретным содержанием представляет собой поддающийся правовому анализу динамичный процесс, изучение которого возможно на основе и с использованием правовых документов международного и национального уровня, то другое, активно используемое наукой понятие «экологическая безопасность» и сопряженное с ним «обеспечение экологической безопасности» оказывается феноменом совсем иного порядка. Первое, на что следует обратить внимание, что в правовых документах это понятие появляется практически одновременно с переходом к концепции охраны окружающей среды (что, безусловно, объединяет эти понятия), и в зависимости от контекста (естественнонаучного или правового) имеет различающееся наполнение и в английском языке составляет два самостоятельных термина².

В развитии учения об обеспечении экологической безопасности (в отличие от продемонстрированного ранее становления понятия «окружающая среда» и ее охрана) мы не обнаружим четких вех, по которым можно проследить процесс эволюции данной научной категории, но зато обнаружим множество научных подходов в определении сущности такого явления, как «экологическая безопасность» и ее обеспечение. В науке экологического права по-разному воспринимается как само это понятие, так и истоки его появления. Оттолкнемся от формального взгляда: законы Республики Беларусь и Российской Федерации «Об охране окружающей среды» определяют этот термин идентично: белорусский закон как «состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [10, ст. 1]; российский закон – как «состояние защищенности природной среды

²См., например: «Legal support of environmental safety as a reaction to environmental threats...» или «Criteria for ecological safety in science and technology».

и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [11, ст. 1]. Эколого-правовой наукой признается, что «состояние защищенности» обеспечивается посредством соблюдения требований в области охраны окружающей среды, которые в Законе Республики Беларусь также определены как требования экологической безопасности. Критерием этого состояния названы обязательные условия, установленные нормативными правовыми актами, а также техническими актами в области охраны окружающей среды» [10, ст. 1; 11, ст. 1]. В украинской эколого-правовой науке право экологической безопасности обособляется в качестве самостоятельной части экологического права со своим предметом – общественными отношениями, называемыми авторами этой концептуальной идеи «антропоохранными», и даже обосновывается как подотрасль экологического права [12]. В науке экологического права, как поддерживается взгляд на самостоятельность и отдельность отношений по обеспечению экологической безопасности от отношений по охране окружающей среды [напр., 13-17], так и критикуется выделение понятия в качестве самостоятельной правовой категории в силу того, что в практической деятельности обеспечение экологической безопасности не реализуется как самостоятельное направление, осуществляемое отдельно от охраны окружающей среды [18-19]. На что, как нам представляется, следует обратить внимание при сравнении категорий «охрана окружающей среды» и «обеспечение экологической безопасности», так это «беспредметность» последней, что видно уже из легального определения, фиксирующего «состояние защищенности окружающей среды», что позволяет согласиться с позицией ученых (М.М. Бринчука, Р.Х. Гиззатуллина), доказавших, что обеспечение экологической безопасности не реализуется как самостоятельное направление, осуществляемое отдельно от охраны окружающей среды. Однако это направление имеет под собой стратегический фундамент, поскольку рассматривается в качестве самостоятельного направления национальной безопасности в соответствии с документами программного характера, в частности, Республики Беларусь [20] и Российской Федерации [21]. Именно это обстоятельство переводит наши рассуждения в принципиально иную плоскость и придает понятию экологической безопасности конкретность относительно территории, на которой требуемое «состояние защищенности окружающей среды» подлежит обеспечению.

В таком контексте экологическая безопасность как совокупность факторов окружающей среды и воздействующей на нее хозяйственной деятельности не только определенное состояние, но еще и процесс, «вписанный» в конкретное жизненное пространство, на что, в частности, указывают Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г., № 575 [20] и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом

Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г., № 683 [21], документы, устанавливающие стратегические основы национальной безопасности (включая безопасность экологическую) в отношении территории соответствующего государства. Это обстоятельство добавляет к характеристике категории «экологическая безопасность» (состояние защищенности, совокупность эколого-значимых процессов) еще и фактор территории или жизненного пространства, для которых эти состояния и процессы актуальны.

Здесь мы подходим к обоснованию понятия «эколого-безопасное пространство», определению его содержания как категории науки экологического права. Формирование пространства, в котором происходит взаимодействие общества с окружающей средой обуславливается не только факторами природного и техногенного характера (что было показано ранее), которые в восприятии философской науки получили определение «социоприродных трансформаций», основными признаками которых называются «дегуманизация техники и технологии, процессы технического и технологического воздействия человека на природу» [22, с. 11], но и политическими и институциональными процессами. Причем проистекают эти процессы на всех уровнях – международном, региональном, внутригосударственном, локальном.

В политическом плане формирование понимания эколого-безопасного пространства должно базироваться на политической воле и взаимном желании государств выстраивать общие основы обеспечения благоприятности окружающей среды. В качестве позитивного примера приведем процессы становления международных организаций уровня ООН по охране окружающей среды, к которым относятся создание Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) резолюцией XXVII сессии ГА ООН № 2997/XXVII от 15 декабря 1972 г. в соответствии с рекомендациями Стокгольмской конференции ООН по окружающей человека среде и трансформация юридического статуса главного исполнительного органа – Совета управляющих ЮНЕП в Ассамблею ООН по окружающей среде ЮНЕП с представительством всех 193 государств-членов ООН и функциями основного управляющего и нормотворческого органа ЮНЕП в области охраны окружающей среды на высшем уровне на основании резолюции ГА ООН от 13 марта 2013 г. № 67/251[5]. С другой стороны, исследуя ранее содержание Договора об учреждении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [23], мы были вынуждены констатировать, что проведение согласованной экологической политики не заявлено в качестве самостоятельной цели учреждения данного союза, хотя очевидно, что избежать воздействия на окружающую среду в процессе формирования единого экономического пространства объективно невозможно [24].

На региональном уровне на формирование пространства экологической безопасности межгосударственных образований (например, ЕАЭС) оказывает влияние и геополитический фактор. Государства-члены ЕАЭС территориально принадлежат к различным в географическом отношении частям Евразии

(Беларусь – европейской, Казахстан и Кыргызстан – азиатской, Россия – евроазиатской), а также одновременно являются членами иных межгосударственных образований (ШОС, БРИКС), что формирует новые, как бы накладывающиеся одно на другое пространства, каждое со своим кругом общественных отношений и правосубъектностью членов. И здесь мы видим, что интересы государств-членов могут серьезно различаться. Так, для Республики Беларусь, не высказывающей политического устремления на ассоциацию или членство в Европейском Союзе, ввиду наличия общей границы с тремя государствами этого союза (Польша, Литва и Латвия) неотъемлемой частью экологической политики становится согласование и гармонизация природоохранных подходов с ЕС. Республикой Казахстан в программном документе «Стратегия «Казахстан-2050» поставлена цель к 2050 году войти в число тридцати самых развитых государств мира и достигнуть фундаментальных показателей развитости государств-членов Организации экономического сотрудничества и развития [25]. Для такого государства как Российская Федерация фактором формирования эколого-безопасного пространства являются, как сама территория, так и федеративное устройство, обуславливающие «единство и многообразие российского эколого-правового пространства» [26] и различия в подходах к институализации охраны окружающей среды [27].

Подводя итог, мы констатируем, что современной доктрине экологического права, ее научно-категориальному аппарату недостает определенных параметров, которые могут быть введены понятием «эколого-безопасное пространство». Если «окружающая среда», как среда обитания человека, – это конкретный набор компонентов природной среды (земля, недра, воды, растительный мир, животный мир, атмосферный воздух), природных объектов и природных комплексов (леса, реки, типичные и редкие ландшафты, особо охраняемые природные территории), природно-антропогенных объектов, т.е. созданных деятельностью человека и имеющих признаки природных объектов (парки, водохранилища и др.) и антропогенных объектов (вся инфраструктура жизнеобеспечения человека); «экологическая безопасность» – определенное, заданное на уровне технических нормативных правовых актов, безопасное для человека состояние окружающей среды, тогда «охрана окружающей среды» – процесс реализации разработанных человечеством природоохранных механизмов и инструментов, обеспечивающих и поддерживающих экологическую безопасность. Другими словами, речь идет о процессах, поддерживающих определенное экологическое состояние. Отсутствует территориально-пространственный признак, указывающий на то, в границах какой территории осуществляются такого рода процессы с соответствующим (обеспечение экологической безопасности) результатом.

Будучи реалистами, мы понимаем, что на больших пространствах, например, Евразийского экономического союза, сложно добиться одинаково безопасного состояния окружающей среды, но это не означает, что не следует

стремиться к такому состоянию. Ранее мы указывали на расширение сферы, подлежащей эколого-правовому регулированию, как объективный фактор, который нельзя не учитывать при осмыслении направлений развития правового пространства в целом [24], теперь обращаем внимание, что введение пространственного критерия, как возможности очертить для определенной территории институциональные рамки, устанавливаемые международным договором, межгосударственным соглашением, законом, позволяет конкретизировать объект (территорию) в отношении которой применимы эколого-правовые меры. В этом смысле вошедшее в научный оборот (используемое, в том числе и автором) понятие «эколого-правовое пространство», должно восприниматься как абсолютная юридическая фикция, но дополненное факторами объективного порядка – уровень экономики, социальная сфера, установленные правом природоохранные средства, применение которых возможно на определенной территории, формирует «эколого-безопасное пространство», как совокупность количественных и качественных характеристик окружающей среды и применяемых на конкретной территории природоохранных средств для достижения экологически безопасного состояния.

Библиографический список

1. Лизгаро, В.Е., Макарова, Т.И. Терминология экологического права: проблемы единообразного понимания и подходов к унификации // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н.Бибило (отв. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2006. — Спец. вып. — С. 164-173.
2. Передельский, Л.В, Коробкин, В.И., Приходченко, О.Е. CD Экология: электронный учебник. — М.: КНОРУС, 2009.
3. Дроздов, В.В. Общая экология. — СПб.: РГГМУ, 2011. — 412 с.
4. Кванина, В.В., Макарова, Т.И. Экологический комплаенс в системе правовой охраны окружающей среды / В.В.Кванина, Т.И.Макарова // Журнал Белорусского государственного университета. Право. — 2020. — № 1. — С. 95-101.
5. Резолюции Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс] — Официальный веб-сайт Организации Объединенных Наций – Режим доступа : <https://www.un.org/ru/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> – Дата доступа – 11.11.2020.
6. Про охорону навколишнього природного середовища [Электронный ресурс]: Закон України, 25 червня 1991 р. // Відомості Верховної Ради України. — 1991. — № 41. — Ст.546.
7. Об охране окружающей природной среды : Закон Российской Федерации от 19 дек. 1991 г. — М.: Республика, 1992. — 64 с.
8. Об охране окружающей среды : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. — 1993. — № 1. — Ст. 1.

9. Об охране природы в Белорусской ССР :Закон БССР, 21 дек. 1961 г. // СЗ БССР. – 1961. – № 38. –Ст. 380.
10. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХП: в ред. Закона от 17 июля 2002 г. № 126-З (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
11. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]:Федер. Закон Рос. Федерации, 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020
12. Краснова, Ю.А. Право екологічної безпеки України: теоретичні аспекти : монографія. - Київ: НУБіПУ України, 2017. - 589 с.
13. Колбасов, О.С. Концепция экологической безопасности (юридический аспект) / О.С.Колбасов // Совет. государство и право. – 1988. – № 12. – С. 47–55.
14. Тимошенко, А.С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект / А.С.Тимошенко // Совет. государство и право. – 1989. – № 1. – С. 84–92.
15. Копылов, М.Н. О правовом содержании понятия «экологическая безопасность» / М. Н. Копылов // Изв. вузов. Правоведение. – 2000. –№ 1. – С. 113–120.
16. Русин, С.Н. Концептуальные проблемы экологической безопасности и государственная экологическая политика (правовой аспект) / С. Н. Русин // Экол. право. – 2010. – № 5. – С. 12–18.
17. Краснова, И.О. Экологическая безопасность как правовая категория [Электронный ресурс] / И. О. Краснова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.
18. Бринчук, М.М. Охранять окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? / М. М. Бринчук // Государство и право. – 1994. – № 8-9. – С. 118–127.
19. Гиззатуллин, Р.Х. О параметрах экологической функции государства / Р. Х. Гиззатуллин // Экол. право – 2008. – № 2. – С. 10–14.
20. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 (ред. от 24.01.2014) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
21. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Российской Федерации, 31 дек. 2015 г., № 683 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
22. Арсанукаев, Р.Х. Эколого-безопасное развитие: философско-методологический анализ :автореф. дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / Р.Х. Арсанукаев ; ФГОУВПО «Росс. акад. госуд. службы при Президенте Росс. Федерации» – М., 2009. – 30 с.

23. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : 29 мая 2014 г. (в ред. от 08.05.2015) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

24. Макарова, Т.И. Право окружающей среды Евразийского экономического союза: проблемы формирования / Т.И.Макарова // Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т.И.Макарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 55-58.

25. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» : Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана от 14 дек. 2012 г. [Электронный ресурс] : Официальный сайт Президента Республики Казахстан – Режим доступа : http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs – Дата доступа – 15.10.2020.

26. Боголюбов, С.А. Единство и многообразие российского эколого-правового пространства / С.А.Боголюбов // Журнал российского права. — 2017. — № 11. — С.73-81.

27. Макарова, Т.И. Институционализация охраны окружающей среды как фактор реализации экологической политики на уровне законодательства субъектов Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Право. – 2020.– Т. 20. – № 1. – С. 90-94.

28. Макарова, Т.И. Юридический инструментализм как метод формирования эколого-правового пространства / Т.И. Макарова // Екологічне право України (Украина). – 2017. – № 1-2. – С. 40-46.

ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА ЕАЭС: ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Т.Н. Михалёва

*декан юридического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

Построение единого рынка в современном мире было бы не только неполным без включения цифровой повестки в правовую и организационную материю интеграционных объединений, но и малоэффективным. Формирование единого рынка определяют через создание единого пространства со свободой движения определенных факторов, к которым классически относят товары, услуги, капитал, трудовую силу [1, с. 61]. Мы сегодня соотносим суть эффективной межгосударственной интеграции со свободой движения ресурсов развития, и в предстоящей нам перспективе эти